

A watercolor illustration of a woman standing in a forest. She is wearing a long, light blue dress with red and white geometric patterns on the sleeves and a red sash. Her hair is long and dark. The background consists of tall, thin trees with sparse foliage, rendered in soft, muted colors. The overall mood is serene and ethereal.

Ольга Коркина

Матешка на острове Буци

Ольга Коркина

Матешка на острове Буяне

<https://litres.ru/74013904>

SelfPub; 2026

Аннотация

В мире, где древние боги плетут нити судьбы, а лес хранит вековые тайны, юная Матешка вступает на путь испытаний. Оторванная от родного дома, она получает от загадочной старухи три странных дара — камешек силы, ложку мудрости и пуговицу судьбы. Но это лишь начало её путешествия к таинственному Острову Буяну.

В лабиринте загадок её ждут говорящая печь, колодец забытых тайн, проказник Ряха-шалунишка и река забвения. Каждый шаг может стать последним, каждое решение — роковым. Матешке предстоит не только выжить, но и разгадать тайну острова, определяющего судьбу целого мира.

Сможет ли она сохранить то, что держит в руках, или придётся всё разрушить? И что, если сама Матешка — ключ к спасению мира? Древние силы уже проснулись, и время пошло...

Ольга Коркина

Матешка на острове Буяне

**Зачин. Остров Буян,
которого не будет**

**Зачин. Остров Буян,
которого не будет**

Неужели и правда всё получилось? Остатки большого соломенного чучела дотлевали на общинной поляне, а Матешка, машинально теребя край платка, не могла оторвать от них взгляда. Вспыхивали и гасли шальные искорки, а перед глазами водили хоровод картины последних дней.

Безутешно рыдала Ружанка. Не красоваться ей перед подругами по осени в шелковом натемнике. Не носить ей этих златотканых птиц, вышитых с таким усердием. Ничего не сбудется. Всё перечеркнуло известие о занемогшей Велене. Для неё, старшей дочери Лучислава, это означало только одно — отправляться на остров Буян в учение-услужение.

— И за что мне всё это, Матешенька? — уткнувшись в сестринское плечо, глухо произнесла она. — Ну не могла эта Велена позже занемочь? — голос сорвался на всхлип, плечи сотрясались от рыданий. — Неужели наша Ольшана не в силах ей помочь? Ну почему я-то? — и будто ища опоры, крепко сжала её руку.

Тихонько покачивая сестрицу, словно убаюкивая, приговаривала Матешка:

— А может, это и к лучшему, Ружаночка? Никому судьба его не ведома. Может, и не со Златаном счастье твоё? А как раз в этом — в продолжении дела Велены? А совсем ослепнет она, как же тогда нам быть? К кому чуть чего обращаться за помощью да бережением?

— Да Златан тут и вовсе не при чём, — потупила взор старшая сестра. — Нынче на Купалин день сговорились мы прыгать через костры со Светозаром. А там, по первопутку, и сватов обещал заслать.

Вспыхнули щёки у Матешки — как всегда при упоминании этого имени. В груди защемило, к горлу липкий ком подкатил, дыхание сбилось.

— Со Светозаром? — выдохнула она предательски дрогнувшим голосом и бросилась вон из комнаты.

Три следующие седмицы Матешка жила, себя не помня. Днём как заведённая хлопотала по хозяйству, матери в помощь, а ночью... В неверном свете луны смотрела на сестру и пыталась придумать план спасения. “Со Светозаром... сватов обещал заслать...” — всплывало в памяти сказанное. И сердце сжималось от боли, горечи и обиды. Но гнала она мысли эти прочь. “Не время думать о себе. Сестра должна остаться”.

Если же удавалось уснуть, приходили кошмары. То тонет Ружанка в тёмной холодной воде — и ни одной ветки, ни одной травинки, за что ухватиться. Протягивает к ней руки Матешка, да тщетны усилия. То сама она истаивает как дым от общинного костра на поляне — едкий, горький, уносимый ветром туда, откуда не будет возврата. То исчезает сестра в сером предрассветном тумане, душном и беззвучном. И мечется Матешка по причалу, которому нет конца, а туман всё гуще.

Просыпалась в липком поту, долго лежала с закрытыми глазами, прислушивалась к гулким и неровным ударам сердца. Пальцы в тревоге комкали край одеяла, а в ушах стоял наплаканный зов сестры: “И за что мне всё это, Матешень-

ка?” Приходилось закусывать губу, чтобы не разрыдаться в голос.

Дни летели, как листья на осеннем ветру. Время уходило, и Ружанка, готовясь к предстоящему путешествию, разбирала вещи в сундуках: что с собой взять, что сёстрам да соседкам раздать.

— Красота-то какая! — воскликнула Матешка, невольно залюбовавшись представшей перед ней картиной. Солнечный луч, пробившийся сквозь оконце, лег на вышитых алых птиц, заставив их словно вспорхнуть с ткани белоснежного рушника. В груди привычно заныло: вот так и сестрица на волю стремится, да жребий другой выпал — заточение на острове Буяне.

Старшая сестра, склонившись над сундуком, недовольно повела плечами и даже не обернулась — до того ли сейчас. Мысль, дерзкая и пугающая, шевельнулась в голове. Сердце ёкнуло, застучало чаще, а пальцы сомкнулись на мягкой ткани.

Решение пришло внезапно, простое и ей вполне сильное, да риск был велик. Подумает кто на Матешку — не миновать беды, ни ей, ни всему роду Лучиславичей. Ладонью провела по узору, запоминая каждую линию, каждый сте-

жок. “К добру ли, к худу ли, а будь что будет”.

Через три дня у колодца остановила её баушка Ольшана:

— Чёй-то ты, девонька, бледная да нервная? Глаза горят, руки дрожат. Ты не заболела ли, Матешенька?

Вздрогнула девица, покачнулись вёдра — заплескала водой и себя, и Ольшану.

— Хорошо всё, баушка, — выпалила скороговоркой, избегая взгляда ведуньи. Нервно поправила платок на голове, оправила подол, пытаюсь унять дрожь в пальцах. — Не спалось что-то ночью прошлой...

— Охохонюшки, детонька. Вижу, печаль-кручина на сердце у тебя. Уж не задумала ли чего худого? Не гневи богов — они шуток не любят.

Слова баушки Ольшаны камнем легли на душу. Но пути назад уже не было. Старушка, ласково потрепав её по щеке, прибавила: “Не всё, что горит, в пепел обращается” — и пошла прочь.

— Значит, так тому и быть, — начала Матешка вечером. Прямые плечи, высоко поднятая голова, твёрдый взгляд —

такая решительность удивляла в обычно тихой и покорной девице..

— Знаю я, как горю твоему помочь. — Голос звучал ровно, хотя внутри всё дрожало. — Провожать тебя, Ружа, по обычаю, староста наш, дядька Бронислав будет, а он-то уж очень охоч до порядку. Как дедами-прадедами завещано — так и было всё чтоб.

— Чё-т не пойму я, к чему ты это, Матешенька?

— А к тому, что придумала я, как пособить. Но ты у меня сейчас ничего не выпытывай. Всё сделаю как надо. Не сомневайся. И ничему не удивляйся.

И сделала. Сгорел рушник подорожный, без которого Ружанке лёгкий путь и скорое возвращение были заказаны. Без этого не пустит её староста Бронислав, побоится гневить заступницу-Макошь. А у Матешки вот он, рушничок, цел-целёхонек, хоть сейчас за тридевять земель отправляйся. Не то что до острова Буяна.